

Конституционно-правовые основы развития России¹

Глава III. Социальная справедливость: конституционно-правовые аспекты

§3. Проблемы становления в России рыночного социально-экономического строя, принцип исторической обусловленности и идеи цивилизма

Стр. 303-323 Социальная справедливость и право

Говоря о социальной справедливости с позиций юридического подхода, нельзя обойти вниманием достижения современной российской теории и философии права в концептуальной разработке этой темы. В концентрированном виде они представлены в трудах академика РАН В.С.Нерсесянца, чья концепция правопонимания (сформировавшаяся в общих чертах еще в советский период и доведенная в постсоветское время до четкого логического завершения) исходит из трактовки права как триединства таких составляющих, как равная мера, свобода и справедливость. Эти три составные момента правового принципа формального равенства в своем единстве выражают **сущность права как равной меры свободы и справедливости**.

Свою концепцию В.С.Нерсесянец еще в советское время обозначил как **либертарное правопонимание**. Впоследствии, когда в основу преобразований российской экономики были положены идеи экономического неоллиберализма, развиваемые такими авторами, как Ф.Хайек и др., термин «либертаризм» приобрел в теории права несколько иной смысл, отличный в ряде принципиальных моментов от того, что вкладывал в него автор либертарного правопонимания.

Особенно наглядно эти различия проявились в трактовке категории социальной справедливости. Для сторонников экономического неоллиберализма социальная справедливость — это всегда отход от правового принципа формального равенства. У В.С.Нерсесянца справедливость — это юридическая категория (составная часть принципа формального равенства), а «те или иные требования так называемой социальной справедливости, — писал он, — с правовой точки зрения имеют рациональный смысл и могут быть признаны и удовлетворены лишь постольку, поскольку они согласуемы с правовой всеобщностью и равенством и их, следовательно, можно выразить в виде абстрактно-всеобщих требований самой правовой справедливости в соответствующих областях социальной жизни»¹.

Особый интерес представляет та часть философско-правовой теории В.С.Нерсесянца, в которой автор применяет абстрактные суждения о принципе формального равенства как сущностном признаке права к анализу социально-правовой практики периода постсоциалистических преобразований в России. Размышляя о том, каким образом эти преобразования могли бы быть переведены в русло действия права как равной меры свободы и справедливости, он сформулировал **концепцию цивилизма** — нового постсоциалистического общественного строя, основанного на новом (более глубоком, содержательном) понимании принципа формального равенства.

Сейчас, когда в условиях кризиса обсуждаются причины, его породившие, и пути выхода из него, самое время вспомнить основные положения концепции цивилизма, разработанной академиком В.С.Нерсесянцем еще в конце перестройки, до распада СССР. Тогда его голос не был услышан. Может быть, сейчас настало время, тем более что выход из кризиса требует кардинальных решений по пересмотру фундаментальных основ строительства экономики и финансов на базе неординарных правовых решений.

Чтобы пояснить суть этой концепции, я буду опираться на неоднократно упоминаемый мною ранее **принцип исторической обусловленности**. В начале рассуждений о цивилизме я

¹Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2009. С. 48.

хотел бы повторить, что современные проблемы политико-правового развития России необходимо рассматривать с точки зрения принципа исторической обусловленности, т. е. определяющего влияния происходящих в стране социально-экономических трансформаций на сферу политических и правовых отношений.

Если рассматривать современные проблемы политико-правового развития России с позиций данного принципа (а научный, т. е. неполитизированный и неидеологизированный, взгляд на ситуацию требует именно такого подхода), то речь должна идти прежде всего о характере происходящих в стране социально-экономических трансформаций и их определяющем влиянии на сферу политических и правовых отношений.

Не надо быть марксистом, чтобы признавать тот факт, что исходным пунктом произошедшей в стране коренной ломки социально-экономической системы стала приватизация так называемой социалистической собственности. Эта беспрецедентная по темпам и масштабам акция резко переломила ход развития страны и направила его в новое историческое русло. Все хорошее и все плохое, что мы имеем на данный момент в любой сфере общественной жизни России, в той или иной мере предопределено приватизацией, проведенной в «лихие 90-е».

Многие наши западные коллеги, отмечающие усиление авторитарных тенденций в развитии российской государственности, почему-то не увязывают эти тенденции с характером произошедшей в стране приватизации и природой сформировавшихся на ее основе отношений собственности. А между тем именно неправовой характер приватизации с исторической неизбежностью породил далеко не однозначно легитимную природу собственности и соответствующие ей политико-правовые формы.

Западные советчики, которые в свое время настаивали на том, что создание класса эффективных собственников оправдывает очевидную для всех несправедливость поспешной «десоциализации» совокупного богатства страны, созданного трудом нескольких поколений советских людей, утратили моральное право на критику неизбежных последствий такого шага. Во всяком случае, без переосмысления этой «точки отсчета» и признания недооценки роли и значения приватизации как фактора, во многом предопределившего деформации политико-правового развития России, нельзя всерьез (т. е. профессионально и честно) говорить о «свертывании демократии», о «наступлении на права человека» и т. п.

Неправовой характер приватизации означает, разумеется, не только и не столько нарушение действовавшего в тот период законодательства, сколько отступление от фундаментального правового принципа формального равенства. Реализация принятой в новой России модели приватизации привела к формированию узкой прослойки крупных собственников из числа лиц, получивших в силу разных обстоятельств привилегированный доступ к дележу социалистического наследства. Попытки создать видимость всеобщего «правового равенства в отношении собственности» в фиктивной бумажно-ваучерной форме были откровенно поверхностными. Приобретение же реальной собственности «оказалось привилегией лишь немногих»².

То обстоятельство, что эти немногие не смогли, как демонстрирует нынешний кризис, стать эффективными собственниками, не столь принципиально. Главное, что они с самого начала были неправомерными собственниками. А отсюда — фиксируемая многочисленными социологическими опросами нелегитимность в глазах общества итогов приватизации и сложившейся на ее основе системы собственности.

Нелегитимность собственности — это в итоге главная причина неэффективности российской экономики, обуславливающая и ее «сырьевой перекос», и вывоз капиталов из страны, и отсутствие потенциала для инновационного развития, и низкую инвестиционную привлекательность России. Бизнес (как российский, так и зарубежный) не будет всерьез вкладывать деньги в экономику страны, где сомнительна легитимность собственности и, значит, не является до конца проясненным вектор социально-политического развития. А до тех пор, пока население не согласится с итогами приватизации, «точка невозврата» на историческом

²Нерсесянц В. С. Юриспруденция. М., 1998. С. 170.

пути России будет оставаться непройденной. Сейчас уже достаточно ясно, что в таких условиях никакой массовой эффективной собственности сформироваться и окрепнуть не может.

Именно нелегитимность возникшей в стране крупной собственности (усугубленная последующей ситуацией с опять-таки нелегитимными залоговыми аукционами) лишает представителей крупного российского бизнеса общественной поддержки и создает тот массовый социальный фон «негативного или злорадного равнодушия», на котором и неправомерное перераспределение собственности (включая ее захваты путем рейдера или рейдерства), и коррупционные поборы с бизнеса со стороны части «чиновной братии», — значительной частью общества воспринимаются чуть ли не как «восстановление справедливости».

Нынешний финансово-экономический кризис, способствовавший резкому усилению государственного контроля над частной экономикой, добавил неопределенности в ситуацию с собственностью. Если крупный бизнес, обратившийся за помощью к государству, не сможет вернуть полученные государственные кредиты, то, по мнению специалистов, возможна новая волна национализации. В этих условиях проблема легитимности крупной частной собственности приобретает особую актуальность.

Даже близкие к власти бизнесмены вынуждены признать, что «государственная собственность при приватизации была сильно недооценена, продана по существенно заниженной цене»³. Некоторые из влиятельных представителей бизнес-сообщества предлагают принять ряд законов, которые позволили бы частично компенсировать обществу потери от итогов приватизации путем одноразовой налоговой выплаты, рассчитанной по соответствующей формуле⁴.

Многие экономисты (в том числе лидеры либерального крыла экспертного сообщества) предостерегают от повторения «ошибок 90-х годов, когда выгоды от приватизации достались узкой группе олигархов»⁵ (М. Дмитриев), обосновывают целесообразность приватизации имущества государственных корпораций необходимостью направить вырученные средства на укрепление базы накопительной пенсионной системы (Е. Гайдар), а то и вовсе призывают сделать всех пенсионеров акционерами нефтегазовых корпораций (Е. Гонтмахер). В русло этого же подхода укладываются и более ранние предложения (Д. Львов, С. Глазьев) о праве равного доступа граждан к доходам, получаемым от использования природного потенциала страны, через распределение природной ренты.

³*Дерипаска О.* Преодоление неравенства — путь к долгосрочной стабильности // Независимая газета. 2004. 19 февр. С. 10. Смысл и подтекст этого обращения известного олигарха к обществу, предпринятого (кстати, как раз после ареста М. Ходорковского), по-видимому, в надежде на поиск какой-то социальной опоры, проясняется в свете последних событий, когда оказывается, что в условиях нынешнего экономического кризиса весь высший отряд российской администрации плотно занят спасением холдинга О. Дерипаски. В этой ситуации вполне закономерен вопрос журналиста: «Много ли людей в России действительно понимают, какие скрытые пружины приводят в действие механизм этого явления? Многие ли вообще знают, какова структура активов того или иного бизнесмена и кто является бенефициаром тех или иных его начинаний?». См. также: *Рогов К.* Рынок нас не колышет // Новая газета. 2009. 15 июня.

⁴В частности, такой законопроект вносил в свою бытность депутатом Государственной Думы четвертого созыва известный предприниматель А. Лебедев. Законопроект предлагал установить для участников приватизации налоговую ставку в размере 20% на разницу между доходами, принесенными им приватизированными предприятиями за первые 10 лет после приватизации, и ценой, уплаченной при приватизации. Схожие идеи обосновывает в своих работах Г. А. Явлинский (см., например: *Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы* // Вопросы экономики. 2007. № 9), аналогичные предложения содержатся в статье М. Ходорковского из серии «Левые повороты» и т. д.

⁵*Дмитриев М.* Нельзя спасать всех подряд // Новая газета. 2008. 27 нояб.

Отсутствие внятной государственной политики, направленной на легитимацию крупной собственности, считают сторонники данного подхода, уже становится заметным тормозом развития экономики, а в перспективе (ускоренной нынешним кризисом) чревато дестабилизацией социально-политической ситуации в стране.

Их многочисленные оппоненты из числа чиновников, бизнесменов и связанных с ними экспертов, выступая против столь принципиальной корректировки государственной политики в сфере отношений собственности, приводят, по сути дела, те же самые аргументы: пересмотр итогов приватизации, говорят они, дестабилизирует ситуацию в стране, отпугнет иностранных инвесторов, деморализует российский бизнес и т. п.

Чтобы разобраться в этой дискуссии, надо иметь концептуальный критерий, который дал бы возможность оценить позиции спорящих сторон с точки зрения **принципа исторической обусловленности**, позволяющего ввести дискуссию в контекст того или иного видения исторического вектора развития России от социализма к постсоциализму. Дело в значительной степени в том, что за злободневными проблемами экономического, политического, правового, нравственного и т. д. характера скрывается нерешенность фундаментальных мировоззренческих вопросов о месте социализма во всемирной истории и о выборе пути постсоциалистического развития.

В силу разных причин наше общество оказалось интеллектуально не готовым к столь скорому краху социализма. Эйфория от неожиданно нахлынувшей свободы, комплексы «посткоммунистической неполноценности» перед Западом и темпы кардинальных изменений всех сфер государственной и общественной жизни не позволили сторонникам демократических преобразований спокойно обсудить и надлежащим образом осмыслить историческое место и значение социализма как общества переходного типа. А без этого невозможно выработать искомую модель того постсоциалистического общества, переход к которому был подготовлен социализмом. Мы пошли по самому простому (причем, подсказанному со стороны) пути признания социализма исторической ошибкой России и не взяли на себя труд подумать и понять, что История не делает таких эпохальных ошибок.

Владимир Познер в беседе с журналистом в телевизионной программе «Совершенно секретно» (6 апреля 2009 г.) сказал, что беспрецедентный уровень циничности современного российского общества обусловлен тем, что социалистические ценности были девальвированы, а огромные жертвы дедов и отцов нынешнего поколения во имя этих ценностей оказались напрасными. Мы слишком легко согласились с теми, кто посчитал жертвы наших отцов и матерей бессмысленными, и поплатились за это цинизмом поколения своих детей. А главное, перечеркнув 70-летний период развития страны, мы разрушили историческую преемственность и утратили ориентиры на будущее. Наше будущее оказалось для нас в прошлом, в «той России, которую мы потеряли».

Показательно, что у нас в стране до сих пор очень популярен Ф.Фукуяма, заявивший в конце 80-х гг. прошлого века о конце истории в результате победы экономического и политического либерализма⁶. «Собравшаяся вокруг Горбачева либеральная советская интеллигенция, — писал он в своей на шумевшей статье “Конец истории?”, — пришла к пониманию идеи конца истории за удивительно короткий срок»⁷. К этому можно добавить, что слова о победе либерализма и основной тезис автора об «универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»⁸ наша интеллигенция поняла, прежде всего, как победу капитализма над социализмом. И хотя такой вывод самим Ф. Фукуямой прямо не формулировался, тем не менее он вытекал из его трактовки коммунизма как антитезы либерализму.

⁶Показательно, что статья «Конец истории?», вышедшая в США в 1989 г. в журнале с выразительным названием «Национальный интерес», уже в марте 1990 г. была опубликована в СССР в журнале «Вопросы философии».

⁷Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.

⁸Там же.

Между тем подобное противопоставление либерализма и коммунизма некорректно по смыслу этих понятий. В качестве прямой альтернативы либерализму выступает тоталитаризм, а коммунизму как общественному устройству, основанному на обобществлении собственности на средства производства, противостоит капитализм, т. е. общество, экономика которого построена на частной собственности.

Как мы хорошо знаем, политическая практика «построения коммунизма» породила тоталитаризм. Однако сама по себе коммунистическая идеология, уходящая своими корнями в истоки христианства, претендует как раз на выражение такой модели общественного устройства, которая соответствует более высокой степени свободы в развитии человечества. Я не говорю о том, что на практике мог возникнуть какой-либо другой (более правильный, чем реализованный в СССР) социализм. Но крах реального социализма вовсе не означает крах самой идеи. До тех пор, пока в мире существует частная собственность, коммунистическая идея и социализм как промежуточный этап воплощения этой идеи не могут быть полностью сняты с повестки дня никакой либеральной идеологией.

Дошедшая до большинства из нас в интерпретации Ф. Фукуямы трактовка гегелевской идеи конца истории как победы капитализма над социализмом, до сих пор доминирующая в российском экспертном сообществе, мешает осознать место социализма в «Истории с большой буквы — то есть истории, понимаемой как единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов», о которой Ф. Фукуяма говорит в своей более поздней монографии «Конец истории и последний человек»⁹.

На мой взгляд, в работах Ф. Фукуямы ценным для нас является не сама идея конца истории, сформулированная Гегелем еще в начале XIX в., а усилия автора по возрождению гегелевского историцизма (с позиций которого вектором эволюционного развития человеческой цивилизации является движение к свободе) в условиях широкого распространения в социальной философии постмодернистского релятивизма, отрицающего эволюционный характер исторического развития¹⁰.

Понимание истории как «эволюционного процесса, рассматриваемого с учетом опыта всех времен и народов (курсив мой. — В. З.)» не позволяет (вопреки позиции самого Ф. Фукуямы) отбросить социализм как случайное отступление от магистрального пути человечества к свободе. «Невозможно же, — пишет В. С. Нерсесянц, — просто перечеркнуть смысл этого наиболее напряженного и тяжелого участка в истории человечества. Здесь пульсирует нерв всемирной истории, сюда привела историческая борьба за прогресс свободы и равенства, здесь корректируется вектор исторического движения, здесь определяются контуры будущего. Или — вперед, к чему-то действительно новому, социализмом уже подготовленному, или — назад, к капитализму»¹¹.

С точки зрения такого подхода важно понять, в чем состоит вклад социализма (а

⁹www.nietzsche.ru/look/fukuama.php.

¹⁰Многочисленные противники идеи историцизма, выступающие с позиций постмодернистского подхода, считают, что эта идея основывается «на гегельянско-марксистском представлении о линейном развитии единого мирового Разума, ...что является неправильным толкованием природы общества и истории» (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1998. С. LIX / Цит. по: Новая философская энциклопедия. М., 2001. С. 286). Постмодернизм с его отрицанием единого вектора исторического прогресса и провозглашением «случайной» вариативности общественного развития как «нормы отсутствия норм», по мнению специалистов, уже утрачивает свои позиции на Западе. Однако в России «постмодернистский» подход к истории пока что является достаточно массовым. Как представляется, в том числе потому, что этим подходом можно объяснять любые эксцессы «особого пути России» в социально-политической, правовой и т. д. сферах.

¹¹Нерсесянц В. С. Манифест о цивилизме. М., 2000. С. 11. Смещение же капитализма и социализма (их конвергенция), пишет далее автор, невозможно «в силу принципиальной несовместимости капитализма и социализма».

соответственно, лежащей в его основе коммунистической идеи уничтожения частной собственности) в борьбу человечества за свободу и равенство. Это означает, что «реальный социализм (со всеми его позитивными и негативными свойствами) должен быть понят в своей необходимости, а не как нечто случайное — в виде продукта теоретической “ошибки”, удачного “заговора”, произвола, людского легковерия, заблуждения и т. д. Оставаться на точке зрения случайности и приводящих внешних обстоятельств — значит оставаться во власти этих случайностей и произвольных решений»¹².

Опыт уничтожения частной собственности в рамках реального социализма наглядно показал, что отказ от формального равенства (т. е. равенства в одинаковом праве на частную собственность) в пользу фактического равенства (т. е. равенства в имущественном положении) был ошибочен. Никакого фактического равенства не может быть уже в силу природы равенства, которое всегда формально (абстрактно), а попытки игнорировать эту логическую аксиому в реальности приводят к сложной и запутанной системе потребительских привилегий, поддерживаемых с помощью насилия.

Но этот опыт не мог опровергнуть тот факт, что «по своей природе частная собственность такова, что может быть лишь у некоторых, но не у всех, причем, по законам ее развития, значительная ее часть концентрируется у меньшинства общества, а большинство оказывается без собственности на средства производства. Обусловленная этим экономическая зависимость несобственников от собственников существенно девальвирует для несобственников практическое значение формально-правового равенства...»¹³. Поэтому до тех пор, пока будет сохраняться частная собственность, коммунистическая идеология, как идеология несобственников, будет иметь свою питательную среду.

Если исходить из того, что социализм — это не историческая ошибка, а итог тяжелой, кровавой, но отнюдь не бессмысленной работы Истории по формированию предпосылок для нового витка исторического прогресса и свободы, то ошибкой следует признать как раз возврат от социализма к капитализму, т. е. возврат от общественной собственности к частной собственности на средства производства. **Но если дорога от социализма ведет не к коммунизму и не к капитализму, то куда она ведет?**

Так поставил вопрос В.С.Нерсесянц. Отвечая на него, он еще в 1989 г. сформулировал идею и в общих чертах разработал концепцию **цивилизма** (от лат. *civis* — гражданин) как нового общественного строя, в основе которого лежит признание за каждым гражданином страны личного, прирожденного и неотчуждаемого **права на равный минимум собственности** в размере одинаковой для всех доли от десоциализации некогда «общенародной» собственности¹⁴. Сверх этого минимума гражданской собственности допускаются все другие виды собственности, рыночное функционирование которых обеспечивает дифференциацию в распределении социальных благ.

Переход от социалистической собственности к гражданской собственности мог быть, по замыслу В. С. Нерсесянца, выражен в следующей юридической форме.

«1. Вся бывшая социалистическая собственность в Российской Федерации бесплатно индивидуализируется в пользу всех граждан по принципу равного права каждого гражданина на гражданскую собственность — одинаковую долю от всей преобразуемой социалистической собственности.

2. В соответствии с такой десоциализацией социалистической собственности все ее

¹²Там же.

¹³Нерсесянц В. С. Манифест о цивилизме. С. 2.

¹⁴См.: Нерсесянц В. С. Закономерности становления и развития социалистической собственности // Вестник АН СССР. 1989. № 9; Он же. Концепция гражданской собственности // Советское государство и право. 1989. № 10; Он же. Прогресс равенства и будущее социализма // Вопросы философии. 1990. № 3; Он же. Продолжение истории: от социализма к цивилизму // Вопросы философии. 1993. № 4; Он же. Цивилизм как национальная идея // Независимая газета. 1995. 1 нояб.; Он же. Манифест о цивилизме; и др.

объекты становятся объектами единого фонда общей гражданской собственности, в рамках которой каждый гражданин обладает равным правом на гражданскую собственность. Управление этим фондом общей гражданской собственности осуществляется на основе Устава фонда периодически избираемым совершеннолетними гражданами-сособственниками Советом фонда, его региональными и местными отделениями. Устав фонда принимается конгрессом владельцев гражданской собственности.

3. Гражданская собственность у всех без исключения граждан одинакова. Арифметический размер доли каждого гражданина-сособственника в общей собственности всех граждан с учетом числа граждан Российской Федерации, тенденций в динамике народонаселения и необходимости резервного фонда гражданской собственности устанавливается в виде 1/160 000 000 доли общей собственности всех граждан.

Размер гражданской собственности с учетом изменений числа граждан и других обстоятельств определяется через каждые 5 лет.

4. Юридический статус и титул каждого гражданина в качестве субъекта гражданской собственности официально удостоверяется надлежащим правовым документом о праве собственности.

5. Право на гражданскую собственность носит личный, прижизненный и неотчуждаемый характер. Ни один гражданин не может быть лишен права на гражданскую собственность. Гражданская собственность отдельных граждан не подлежит изъятию из общей собственности всех граждан. Право на гражданскую собственность не может быть полностью или частично передано другому лицу.

6. Для каждого гражданина открывается личный счет гражданской собственности, на который в централизованном порядке поступает равная для всех доля от всех доходов, получаемых от общей собственности всех граждан в результате всех форм рыночно-хозяйственного использования объектов этой собственности»¹⁵.

Таким образом, юридическая конструкция гражданской собственности — это конструкция идеальной доли каждого гражданина в общей собственности всех граждан.

Автор концепцию цивилизма обосновал с разных точек зрения. Опираясь на работы В.С.Нерсесянца и собственный анализ российских социально-правовых реалий последних лет, я мог бы предложить следующие подходы к обоснованию права этой концепции на самостоятельное и значимое место в системе мировой философско-правовой мысли.

Обоснование цивилизма с позиций диалектической методологии исследования социальных процессов. Концепция цивилизма, выдвинутая В.С.Нерсесянцем, — это итог творческого применения диалектического принципа единства и борьбы противоположностей к анализу процесса исторического развития. С точки зрения такого подхода идея цивилизма позволяет на новом витке этого процесса диалектически «снять» противоречие между капитализмом (как строем, основанным на частной собственности) и социализмом как его антитезой (строем, основанным на *отрицании* частной собственности).

В.С.Нерсесянец пишет, что на уровне понятий можно представить триаду «капитализм—социализм—цивилизм» через гегелевскую формулу диалектики «тезис—антитезис—синтез». В этом контексте социализм как «радикальный антикапитализм представляет собой негативную стадию в развитии мировой истории»¹⁶. То, что называлось (и до сих пор ошибочно называется) «социалистической собственностью», «социалистическим правом» и «социалистическим государством», по своей сути есть отрицание собственности, права и государственности, их подмена достоянием «всех вместе и никого в отдельности» (когда никто не может распоряжаться этим достоянием как своей собственностью), антиправовым законодательством и партийной диктатурой. Таким образом, «в историческом движении **от прежнего равенства к будущему большему равенству** социализм занимает промежуточное положение отрицания

¹⁵Нерсесянц В. С. Манифест о цивилизме. С. 22.

¹⁶Нерсесянц В. С. Философия права. С. 414.

прошлого без утверждения будущего»¹⁷.

Сложность перехода от этой негативной стадии к настоящей собственности (а через нее — к праву и правовому государству) заключается в том, писал В.С.Нерсесянц, что «от обезличенной социалистической собственности **необходимо перейти к индивидуальной собственности, но вместе с тем это не может быть возвратом к частной собственности**»¹⁸. Именно историческая тупиковость возврата к частной собственности — глубинная причина наших явных неудач на этом пути. Предлагаемая модель собственности в условиях цивилизма — это новый шаг в развитии экономического института собственности, выходящий за рамки системы частнособственнических отношений.

Поскольку данная модель предполагает наличие минимальной собственности на средства производства у *каждого* гражданина страны, то все другие виды индивидуальной и групповой собственности, которые функционируют на рынке, уже утратят характер частной собственности. В строгом социально-экономическом смысле это будет уже *не частная собственность*, которая всегда предполагает разделение общества на собственников и несобственников. «Наделение всех гражданской собственностью, — подчеркивает В.С.Нерсесянц, — радикально меняет все отношения собственности и сам тип общественного и государственно-правового строя: одно дело — антагонизм между собственниками и несобственниками, и совсем другое дело — отношения между владельцами большей и меньшей собственности в условиях пожизненного неотчуждаемого равного права каждого на минимум собственности»¹⁹.

Поясняя, почему идея цивилизма могла появиться только на основе осмысления опыта реального социализма, В.С.Нерсесянц писал: «Можно сказать, что историческое пространство, как и пространство физическое, искривлено, и увидеть, что нового за предстоящим большим историческим поворотом, можно лишь после того, как такой поворот уже реально исторически подготовлен и возможен. И на поверку оказывается, что говорящие о “конце истории”, по существу, признают, что для них действительно предстоящее будущее еще не видимо...»²⁰.

С позиций же диалектического подхода у социализма может быть только такое будущее, которое «подготовлено им самим, ...соответствует объективной логике исторического появления социализма, продолжает, преодолевает, **диалектически “снимает” социализм** и вместе с тем преобразует его итоги для реально возможного и необходимого будущего»²¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что ограниченная представлениями о конце истории «позитивная диалектика Гегеля в действительности упирается в капитализм, радикальная негативная диалектика Маркса завершается антикапитализмом. Концепция цивилизма продолжает диалектику исторического процесса, преодолевая ограниченность гегелевской и негативизм марксовской версий диалектики исторического процесса»²².

Философско-правовое обоснование цивилизма

Несмотря на мифологичность представлений о капитализме как вершине и конце прогресса свободы, «в этих представлениях (особенно глубоко и ярко — у Гегеля) присутствует та верная мысль, что свобода, собственность и т. д. возможны лишь в правовой форме, что **исторический прогресс — это по сути правовой прогресс** (выделено мой. — В. З.)...»²³. Поэтому закономерен вопрос: «**Возможен ли в принципе такой выход за границы капитализма, который не будет связан с отрицанием права?**» Или, другими словами: «Возможно ли такое право, которое признавало бы принцип всеобщего формального равенства

¹⁷Там же. С. 413.

¹⁸Нерсесянц В. С. Философия права. С. 441.

¹⁹Нерсесянц В. С. Манифест о цивилизме. С. 28.

²⁰Нерсесянц В. С. Философия права. С. 428.

²¹Там же. С. 406.

²²Нерсесянц В. С. Право — математика свободы. М., 1996. С. 152.

²³Нерсесянц В. С. Философия права. С. 429.

(т. е. необходимый принцип всякого права²⁴) и вместе с тем не было бы буржуазным правом?»²⁵.

Чтобы ответить на этот вопрос, надо исходить из понимания **негативной природы социалистического «равенства»** как равенства в неимении собственности. Так называемая социалистическая собственность — это уникальное в мировой истории явление, когда впервые все богатство страны не имеет собственников и находится в одинаковом для всех неправовом режиме достояния «всех вместе» и «никого в отдельности». Такое неправовое состояние «равенства» в неимении собственности могло быть обеспечено только за счет соединения привлекательной для широких масс коммунистической идеи потребительского равенства с насилием в форме диктатуры пролетариата.

И хотя на практике эта идея закономерно выродилась в систему потребительских привилегий (пресловутая потребительская уравниловка может существовать только как система привилегий)²⁶, однако в отношении средств производства социализм удерживал негативное «равенство» всех в неимении собственности, сохраняя таким образом потенциал «для утверждения **позитивного равенства — равного права каждого на... равную долю социалистического наследства**»²⁷.

Вся суть предстоящего пути от тотального «социализма несобственников» к свободе состояла в том, чтобы использовать этот потенциал и осуществить переход от уравниловки к правовому равенству²⁸. А для этого необходимо было применить принцип формального правового равенства к процессам преобразования отношений социалистической собственности²⁹, т. е. обеспечить такую десоциализацию (индивидуализацию) этой собственности, которая исключала бы привилегии одних и дискриминацию других граждан страны. Ведь после 70 лет существования «социалистической собственности» все граждане бывшего СССР являлись формально равными наследниками всего, чтобы было насильственно обобществлено в результате революционной экспроприации, произведено в процессе предвоенной индустриализации, защищено в годы Второй мировой войны, вновь воссоздано в ходе послевоенного восстановления народного хозяйства и т. д.

Очевидно, что принцип формального равенства, согласно которому за каждым гражданином как правомерным наследником признавалось бы право на равную долю социалистического наследства, не мог быть реализован путем фактического выделения этой доли (поскольку такой «пирог» в принципе невозможно нарезать на равные куски). Речь может идти лишь об идеальной доле во всех доходах, получаемых в результате рыночного использования общей собственности.

С юридической точки зрения эта цивилитарная (гражданская) собственность на равную долю от доходов, получаемых от этой общей собственности в результате ее рыночного функционирования, целиком укладывается в хорошо известную в научной и практической юриспруденции **юридическую конструкцию идеальной доли в общей собственности**. Каждый гражданин как собственник, в течение всей своей жизни получающий соответствующую его идеальной доле часть денежных доходов от всех форм товарно-денежного использования общей собственности, приобретает, таким образом, пожизненное личное субъективное право на свою долю собственности. Помимо и сверх этого **нового субъективного права** каждый будет иметь право на приобретение любой другой собственности за счет своих личных усилий, своего умения и желания работать в условиях рыночной экономики. Очевидно, что такая правовая конструкция собственности не имеет ничего общего с

²⁴История права, пишет В. С. Нерсисянц, — это «история прогрессирующей эволюции содержания, объема, масштаба и меры формального (правового) равенства...» (*Нерсисянц В. С. Философия права*. С. 33).

²⁵*Нерсисянц В. С. Манифест о цивилизме*. С. 19.

²⁶*Нерсисянц В. С. Философия права*. С. 116.

²⁷Там же. С. 415.

²⁸Там же. С. 423.

²⁹Там же. С. 416.

коммунистическим принципом фактического равенства в потреблении.

Таким образом, цивилитарное право на гражданскую собственность — это настоящее право, которое в то же время не является буржуазным правом. По своему содержанию и уровню развитости оно «стоит выше предшествующих типов права и, следовательно, в правовой форме воплощает большую меру свободы людей и выражает более высокую ступень в историческом прогрессе свободы в человеческих отношениях»³⁰.

В рамках концепции цивилизма принцип формального правового равенства наполняется новым социальным содержанием: право предстает здесь не просто как абстрактная правоспособность (способность иметь право на средства производства), а как «уже приобретенное, наличное и неотчуждаемое субъективное право на реальную собственность»³¹.

Цивилитарное право «сохраняет принцип ...формального равенства и вместе с тем содержательно дополняет и обогащает его качественно **новым моментом — уже приобретенным равным правом каждого на одинаковый для всех минимум собственности**»³². Можно предположить, считал В. С. Нерсесянц, что и «видимый дальнейший прогресс права будет осуществляться по цивилитарной модели обогащения и дополнения принципа формально-правового равенства новыми неотчуждаемыми субъективными правами»³³.

С точки зрения диалектического подхода к анализу правового развития можно сказать, что новое цивилитарное право представляет собой результат «диалектического синтеза предшествующих моментов позитивного и негативного — буржуазного права и коммунистического неправа.

Цивилитарное право признает (и утверждает) в буржуазном праве право (правовое начало) и вместе с тем преодолевает его буржуазность (буржуазную ограниченность). В отношении к коммунистическому не праву цивилитарное право отрицает (и преодолевает) это неправо (коммунистическое отрицание права), но вместе с тем признает (и в преобразованной, правовой форме утверждает) правовые формы преобразования (юридической трансформации) итогов такого коммунистического отрицания предшествующего (в том числе буржуазного) права»³⁴.

Обоснование цивилизма с позиций политологического подхода

Неправовой характер проведенной в стране приватизации стал главной причиной отступления от намечившегося в конце 80-х гг. демократического и правового вектора развития. Нелигитимность сформировавшейся таким образом собственности лишила власть реальной общественной поддержки со стороны широких слоев населения. Что же касается многочисленных трудностей в деле становления правопорядка (начиная от низкого правового качества законодательства и заканчивая правовым нигилизмом широких слоев населения), то приходится согласиться с А. Аузаном в том, что в условиях становления рыночной экономики, «если в стране нет общественного признания собственности... то и остальные права не получают признания»³⁵.

В последнее время участники российского общественно-политического дискурса все чаще обращаются к работе известного американского политолога А. Пшеворского «Демократия и рынок» (Cambridge University Press, 1992; М., 1999), в которой автор обосновывает тезис о том, что без соединения ценностей политической демократии и социальной справедливости в процессе осуществления поставторитарных преобразований новые политические режимы

³⁰ Нерсесянц В. С. Философия права. С. 424.

³¹ Там же. С. 423.

³² Там же. С. 424.

³³ Нерсесянц В. С. Право — математика свободы. С. 140.

³⁴ Нерсесянц В. С. Манифест о цивилизме. С. 38.

³⁵ Публичная лекция «Договор-2008. Кому и с кем договариваться», прочитанная 26 февраля 2006 г. в клубе-кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру».

обречены на нестабильность, а на каком-то этапе развития событий — на движение в сторону, противоположную от демократии³⁶. Это предупреждение А. Пшеворского нельзя оставить без внимания.

Сам А. Пшеворский видит решение проблемы в подкреплении демократических реформ сильной социальной политикой. Однако такой подход, безусловно, правильный применительно к ситуациям, связанным с трансформацией авторитарного режима в рамках капиталистической социально-экономической модели, недостаточен для постсоциалистических преобразований, которые имеют гораздо более принципиальный и глубокий характер. Ведь в данном случае речь идет не просто о демократизации политического режима, а о смене формы собственности. И если эта смена (точнее, кардинальная ломка) формы собственности осуществляется таким способом, с которым общество в целом не может согласиться, то никакая социальная политика (даже если предположить, что новые собственники решат отказаться «в пользу бедных» от части своих неправомерных приобретений) не станет надежной основой общественного согласия.

В связи с этим необходимо, по крайней мере, отчасти признать правоту В. С. Нерсесянца в том, что провозглашенные в постсоветской Конституции правовые начала государственной и общественной жизни «по своему социально-историческому смыслу и содержанию характерны для прочно сложившегося буржуазного либерально-демократического строя. Отсутствие таких условий в постсоветской России ...порождает большой разрыв между соответствующими конституционными положениями и фактически складывающейся действительностью. Избранный курс преобразований (так называемое разгосударствление посредством приватизации бывшей социалистической собственности) привел пока что не к капитализму, а к весьма неразвитым, докапиталистическим (добуржуазным) социальным, экономическим, политическим и правовым формам и отношениям»³⁷.

Следует признать и то, что для успешного завершения постсоциалистических преобразований необходим реальный **общественный договор о принципах построения новой системы отношений по поводу собственности**³⁸. Как уже сказано выше, идея «общественного договора» как соглашения о собственности (а конкретнее, о способах формирования и реальном содержании фонда общей гражданской собственности) была сформулирована В. С. Нерсесянцем еще в 1989 г.

В середине 90-х гг. он полагал, что это должен быть трехсторонний договор между большинством членов общества, оказавшихся в результате проводимых реформ без собственности на средства производства; собственниками средств производства, получающими собственность в ходе приватизации, и государством. Инициаторами такого договора могли, по его мнению, стать представители государства и крупного капитала, которые должны были бы сначала договориться между собой о «цене вопроса», а затем попытаться в рамках широкого общественного обсуждения и соответствующих электоральных процедур получить реальное общественное одобрение такого договора.

Тогда, в ходе российских приватизационных преобразований, такой договор заключить не удалось. И его отсутствие, как показано выше, является одним из главных ограничений на последовательность и успешность реформирования социальной, экономической и правовой ситуации в России.

По этой причине такой общественный договор по правовым принципам отношения к собственности все еще стоит в повестке дня наших постсоциалистических преобразований.

³⁶ «Наиболее вероятным является такой ход, — пишет автор, — при котором радикальные программы будут со временем замедлены или частично обращены назад, вновь начаты в более постепенной форме при меньшем доверии общества и опять замедлены и повернуты назад, пока не придет новое правительство и пообещает полный разрыв с прошлым, и цикл начнется вновь» (Пшеворский А. Демократия и рынок. М., 1999. С. 271—272).

³⁷ Нерсесянц В. С. Манифест о цивилизме. С. 46.

³⁸ См.: Нерсесянц В. С. Философия права. С. 425—426.

В какой форме возникнет этот общественный договор, когда для его заключения созреют необходимые условия, предугадать трудно, поскольку все это, по выражению В.С.Нерсесянца, находится «за историческим поворотом». Можно лишь сказать, что Нерсесянец, выдвинув концепцию цивилизма, наметил один из возможных путей и форматов реализации этого договора.

Сам В.С.Нерсесянец в данной связи говорил (повторяя слова Гераклита), что все в мире делается под давлением нужды и необходимости. В последние годы он полагал, что Запад может раньше России осуществить на практике идею цивилизма, минуя социализм.

Нынешний мировой финансово-экономический кризис, наглядно продемонстрировавший, что чрезмерная концентрация собственности в руках отдельных закрытых политических, экономических и чисто мафиозных структур, действующих в ущерб интересам большинства населения государств мира, становится слишком опасной, уже создал некоторые предпосылки для восприятия идеи цивилизма. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что одним из все более заметных течений западной общественно-политической мысли становится коммунитаризм³⁹. Кризис показал, что правовые основы экономики современного капиталистического общества нуждаются в совершенствовании.

Возможно, понадобится еще не один кризис, чтобы стало понятно, что речь должна идти не просто о совершенствовании, а о кардинальных изменениях, ведущих к трансформации системы частной собственности по цивилитарной модели, в рамках которой каждый гражданин страны наделяется «неотчуждаемым правом на достаточный минимум собственности на средства производства, т. е. на персонально определенную равную долю каждого в рамках общей гражданской собственности всех»⁴⁰.

* * *

Конечно, концепция В. С. Нерсесянца во многом *идеальная*. Реальная жизнь всегда более сложна. Реализовать эту концепцию в отдельно взятой стране, без учета всего сложившегося миропорядка, мировой финансово-экономической системы весьма сложно. Строительство цивилизма за новым «железным занавесом» может привести к не меньшим извращениям, чем строительство социализма и коммунизма.

Тем более сложно воплотить в жизнь концепцию цивилизма в условиях, когда уже после социализма построен капитализм (пусть дикий и во многом криминальный). Ведь цивилизм рассчитан на «передел» социалистической собственности. А как реализовать цивилизм в условиях, когда сложилась собственность капиталистическая (олигархическая, государственно-капиталистическая)?

Но, тем не менее, даже во многом романтическая модель цивилизма, предложенная В. С. Нерсесянцем, дает возможность для будущих поколений нащупать более справедливые механизмы распределения собственности.

То обстоятельство, что реальный социализм XX в. упустил объективную возможность для перехода к цивилизму, не обесценивает значения самой концепции. Концепция цивилизма доказывает, что историческое движение человечества к свободе не ограничивается неким «концом истории», и определяет параметры дальнейшего движения в направлении к большей свободе, равенству и справедливости.

В этом смысле концепция цивилизма является одним из достаточно фундированных с научной точки зрения теоретических критериев, с помощью которого можно оценивать как нынешнюю социально-экономическую и социально-политическую ситуацию в России, так и различные сценарии ее возможного развития.

Но главное значение этой концепции для России заключается в том, что в свете идеи цивилитарной собственности социализм предстает не как исторический тупик, дорога из которого ведет только назад, а как обусловленный логикой исторического развития негативный

³⁹См.: Пирогов Г. Г. Идеи и принципы коммунитаризма в конце XX — начале XXI века.

⁴⁰Нерсесянец В. С. Манифест о цивилизме. С. 34.

этап всемирной истории, отрицающий прошлое во имя будущего, как этап на пути к утверждению новой формы собственности, обеспечивающей более высокую ступень свободы, равенства и справедливости в человеческих отношениях.

«Концепция цивилизма, — пишет ее автор, — оправдывает усилия столь тяжкого российского прошлого (с его мессианством, энтузиазмом, самопожертвованием и невероятными лишениями во имя будущего), довершает начатое историческое дело и придает адекватную будущность уникальной по своей напряженности российской истории XX в. На протяжении всего прошлого века Россия, взявшая на себя тяжкую миссию осуществления общечеловеческой коммунистической идеи до практически возможных пределов ее реализации, была, выражаясь языком Г. В. Ф. Гегеля, “носителем мирового духа, исполнителем его поручения”»⁴¹.

⁴¹*Нерсисянц В. С.* Манифест о цивилизме. С. 41.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
-----------------------	----------

Глава I. Конституция - правовое основание России

§ 1. Конституционно-правовое развитие России: принцип исторической обусловленности	8
§ 2. Конституция - всеобщий правовой источник объединения российского общества .	17
§ 3. Становление конституционной государственности	30
§ 4. Высшая юридическая сила Конституции	39

Глава II. Правовое государство и верховенство права

§ 1. Конституционные основы правового государства	51
§ 2. Права человека в современном мире	70
§ 3. Право на жизнь и отмена смертной казни	98
§ 4. Право и правоприменение: междисциплинарный подход	120
§ 5. Принцип разделения властей и его интерпретация в решениях Конституционного Суда	134
§ 6. Прецедентное значение решений Конституционного Суда	150
§ 7. Решения Конституционного Суда и устранение законодательных пробелов ..	169
§ 8. Конституционная защита права собственности	194
§ 9. Защита политических прав в конституционном правосудии	223
§ 10. Конституционно-правовые аспекты налогового законодательства ..	238

Глава III. Социальная справедливость: конституционно-правовые аспекты

§ 1. Социальное государство: конституционный принцип и реальность	261
§ 2. Реформирование социального законодательства и конституционное правосудие	278
§ 3. Проблемы становления в России рыночного социально-экономического строя, принцип исторической обусловленности и идея цивилизма	303

Глава IV. Суд и правосудие

§ 1. Реформирование судебной системы	324
§ 2. Суд и общество: в демократии нужен общественный контроль за правосудием	360
§ 3. Суд присяжных как конституционная гарантия права на судебную защиту ..	367
§ 4. Третейские суды и осуществление правосудия	377
§ 5. Реализация российскими судами Конвенции о защите прав человека и основных свобод	388
§ 6. Диалог Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка ...	411
§ 7. Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение .	450

Глава V. Право и модернизация России

§ 1. Мировой финансово-экономический кризис - результат нарушения верховенства права	467
§ 2. "Свобода от" и "свобода для"	498
§ 3. Освободительные реформы и правовая модернизация России ..	524
§ 4. Необходима осторожность (путь России к праву)	549
§ 5. О том, каковы юридические уроки предыдущих попыток модернизации России .	565
§ 6. Правовое преобразование России	575
§ 7. Кодификация российского законодательства как стратегическая проблема	

(концептуальные основы)	585
§ 8. Конституция против криминала	598

Глава VI. Современный миропорядок и Россия

§ 1. Вызовы глобализации и правовая концепция мироустройства . .	621
§ 2. Верховенство права и встреча цивилизаций	641
§ 3. Россия в современном мире: национальные интересы и государственный суверенитет	655
§ 4. Конституционная Россия и правовой Запад: "перезагрузка"? . . .	686
Вместо заключения. Правовое будущее России	702

ⁱ. Глава 3 из книги: Конституционно-правовые основы развития России Издательство НОРМА. М., 2011

<http://www.lawlibrary.ru/izdanie2196787.html>